

К.А. Пахалюк

Источник: Пространство плена Первой мировой: лагерь для турецких пленнх на острове Нарген (1915-1918 гг.) // Международная жизнь. Специальный выпуск: История без купюр. Великая война. Начало. М., 2014. С.100-128

ПРОСТРАНСТВО ПЛЕНА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ: ЛАГЕРЬ ДЛЯ ТУРЕЦКИХ ПЛЕННЫХ НА ОСТРОВЕ НАРГЕН (1915-1918 гг.)

Первая мировая война во многих отношениях уникальна: это первая индустриальная, первая глобальная, первая тотальная война в мировой истории; на начало XX века это самая кровавая европейская война. Ее особенности можно перечислять дальше, и среди них выделяется плен, через который по некоторым оценкам прошло около 8 млн. солдат и офицеров. В 1914-1917 гг. только русская императорская армия захватила в плен около 2 млн. солдат и офицеров противника (в отечественной историографии точные подсчеты отсутствуют, и цифра колеблется от 1,7 млн до 2,3 млн пленнх), из них – около 50-60 тыс. пленнх турецкой армии¹.

В настоящее время о военном плене в России написано немало монографий и статей, защищено диссертаций². Однако остается немало лакун, среди них - история лагеря для пленнх на острове Нарген (близ Баку). Информации о нем в открытых источниках немного и в большей степени она тенденциозна. Еще в годы Первая мировой российским военным ведомством был снят пропагандистский фильм, в настоящее

[101]

время свободно доступный в Интернете.³ Он рассказывает о том, как сытно и вкусно питаются пленные турки, прекрасно проводя время с песни, танцами и купаниями. Тем самым лишний раз укреплялось представление о благородстве России по отношению к солдатам противника, что имело особо звучание на фоне многочисленных рассказов о тяжелом положении русских, правда, в германских и австро-венгерских лагерях.⁴

В современной российской и зарубежной (англоязычной) историографии лагерь на острове Нарген не стал предметом всестороннего анализа. В российской историографии отдельные сведения, не позволяющие составить общее представление, содержатся в статьях В.В. Познахирева.⁵

Интерес к турецким военнопленным проявляли и бакинские краеведы, стремясь общими мазками (на основе отрывочных сведений) выйти на некие обобщения. Так, И. Рустами в научно-популярной статье пишет: «Наргин воспринимается бакинцами, как «остров смерти», место, где расстреливали людей. Эта печальная слава закрепилась за островом еще с конца первой мировой войны, когда царское правительство решило, что это самое подходящее место для лагеря военнопленных. В наскоро сколоченных бараках из прогнивших досок на острове Нарген разместили до семи тысяч военнопленных турок, венгров, чехов, немцев, австрийцев. Антисанитарные условия, отсутствие питьевой воды, медикаментов, голодное существование стали причинами высокой смертности среди пленных»⁶.

Из числа академических историков ей фактически вторит профессор Университета Ричмонда (США) Йюсель Йаныкдаг: «Перед попаданием в постоянный лагерь для военнопленных, военнопленные помещались в сборные лагеря. Основным для турецких военнопленных стал маленький остров Нарген в Каспийском море, недалеко от Баку. Нарген был одним из наихудших сборных лагерей. Бараки для пленных представляли собой старые, разрушающиеся каменные здания, полные насекомых и грязью. Согласно одному из источников значительное число турок погибло из-за голода и болезней»⁷.

[102]

Тема военнопленных в медийном пространстве получила определенное освещение в 2009 году, когда появился проект развития острова Нарген как туристического центра⁸. Тогда же обсуждался вопрос создания памятника погибшим турецким солдатам. По заказу турецкого министерства культуры и туризма был снят документальный фильм на основе воспоминаний военнопленных с характерным названием «Адский остров Нарген». Отметим, что окончательное решение не принято до сих пор, в апреле 2014 года был представлен очередной проект развития острова под названием «Жемчужина Азербайджана»⁹.

В рамках истории города Баку известность получил и случай побега турецких заключенных с острова в 1915 году.¹⁰ Азербайджанский профессор Муса Гасымлы в экспертном комментарии к изданию «Медиафорум» поместил его в контекст азербайджано-турецких отношений: «Во время первой мировой войны находящимся на острове Наргин турецким солдатам азербайджанский народ оказывал всяческую поддержку, даже организовывали побег турецких офицеров. В этом плане остров Наргина представляет большую значимость».¹¹

Имеющиеся в распоряжении документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) позволяют пролить свет на историю пленных на Наргене. Используемый комплекс источников (отчеты, переписка, рапорты, сводные ведомости, результаты официальных расследований) дает возможность взглянуть на этот лагерь глазами начальства и рассмотреть Нарген как объект управления. Однако, когда отдаваемые приказы не выполнялись или случались те или иные «кризисные ситуации» (например, побег пленных), перед нами приоткрывается завеса тайны над теми социальными практиками, которые конституировали, говоря языком постструктурализма, самое «тело» лагеря, множественные практики, формирующие его повседневность.

Начать следует с терминологической рефлексии, а именно: действительно ли обоснованно использовать понятие «лагерь» к описанию «учреждения» для пленных на о. Нарген? Как

[103]

отмечает историк Н.В. Суржикова, понятие лагеря для официального дискурса того времени являлось скорее маркером места, куда направлялись пленные. В строгом смысле слова лагерями можно называть лишь барачные поселения, с автономной развитой инфраструктурой (начиная от колючей проволоки и кухонь и заканчивая лекториями, театрами и огородами), где в основном размещались офицеры, освобожденные от принудительных работ. Институциональная среда плена была более разнообразной, включая и места постоянного водворения, и обсервационные, и изоляционные пункты (и это, не учитывая тот факт, что пленные «раздавались» для работы в сельском хозяйстве и при заводах)¹².

Другими словами, «лагерь» являлся зонтичным понятием, а терминологическая расплывчатость отражает тот факт, что российские власти не были готовы к массовому наплыву военнопленных, а потому многие решения принимались *ad hoc*. Следуя этим путем, мы продолжим использовать понятие «лагерь», признавая его определенную условность. Забегая несколько вперед, отметим, что по своей организации Нарген был достаточно близок к «классическим лагерям» (создание бараков, использование колючей проволоки, организация досуга пленных и пр.), хотя сам остров – как институция плена – выполнял функции и места постоянного водворения, и обсервационного пункта, и даже пересылочного.

Иная сложность с Наргеном возникает из-за его уникального статуса среди других мест содержания военнопленных: он, единственный, был подчинен Верховному начальнику санитарной и эвакуационной части принцу А.П. Ольденбургскому. Официально существовала должность коменданта острова, а не лагеря. История его создания напрямую связана с необходимостью решить санитарные проблемы, которые возникли в конце декабря 1914 года, когда русская Кавказская армия одержала победу под Сарыкамышем, захватив около 15 тыс. пленных.¹³

Так, в скором времени Самара, куда доставлялись турки, оказалась переполнена ими настолько, что ее пришлось «закрыть»

[104]

на две недели. Началась эпидемия тифа, а потому в срочном порядке по всему пути следования стали создавать «фильтрационные лагеря». Немногим лучше складывалась судьба турецких военнопленных, которых отправляли в наиболее отдаленные военные округа - Приамурский и Иркутский. И если офицеры на всем пути содержались в более-менее комфортных условиях, то этого не скажешь о нижних чинах, о чем свидетельствует и достаточно высокая смертность среди них. В дальнейшем практика отправки турок на Дальний Восток фактически прекратилась¹⁴.

Видимо, на этом фоне и возникла идея создания обсервационного пункта недалеко от Кавказского фронта. Верховный начальник санитарного и эвакуационного отдела принц Ольденбургский 27 января 1915 года (по ст. ст.) телеграфировал начальнику Бакинского гарнизона адмиралу Е.В. Ключфелю: «Не доскажете ли вы в Каспийском море острова, где представилось бы удобным устроить несколько тысяч непокорных мусульман, высланных с мест постоянного жительства или пленных турок».¹⁵ С самого начала речь шла о том, что остров Нарген должен быть не просто обсервационным пунктом, но и местом постоянного водворения для определенных категорий пленных на основе этнического признака. Показателен отказ проводить жесткую разграничительную линию между военнопленными и мусульманами – подданными Российской империи. В дальнейшем на Наргене содержались интернированные мирные турецкие подданные, подданные России и Персии (этнические турки) а также незначительное количество германских и австрийских пленных (в 1917 г. году количество последних, однако, достигло 1 тыс.).

Среди различных вариантов рассматривался ряд других островов в Каспийском море, однако принц А.П. Ольденбургский остановился на пустынном Наргене ввиду его близости к Баку и относительно больших размеров. В этом он был поддержан и адмиралом Е.В. Ключфелем, и бакинским градоначальником полковником П.И. Мартыновым, который правда указывал, что из-за возможных проблем с доставкой пресной воды и медикаментов придется зафрахтовать судно.¹⁶

Представитель

[105]

Верховного начальника санитарной и эвакуационной части при штабе Кавказского фронта генерал Е.И. Бернов осмотрел остров 12 февраля, назвав его лучшим ввиду близости к Баку.¹⁷ Судя по переписке, никто тогда и не мог представить, что вопрос логистики в дальнейшем станет одной из основных проблем.

В Баку был командирован гвардии полковник А.И. Сабуров, который инициировал процесс передачи острова в распоряжение принца Ольденбургского и начал работы по строительству барачков. 7 февраля Верховный начальник эвакуационной и санитарной части просил Е.В. Ключфеля оказать А.И. Сабурову содействие, при этом в свойственной ему манере указывал, что до постройки барачков конвой надо поселить в Гессенских палатках, а турок – в юртах¹⁸. Изначально создание комфортных условий вовсе не входило в планы начальства.

Система управления лагерем весьма интересна и требует того, чтобы на ней остановиться подробнее. «Ближайшими начальниками» являлись полковник А.И. Сабуров (до середины июня 1915 г., когда основные строительные работы были закончены) и полковник 117-го Ярославского полка А.В. Полторацкий по просьбе принца Ольденбургского командированный на остров. Он был назначен комендантом 22 февраля с подчинением адмиралу Е.В. Ключфелю, который в свою очередь был ответственным за обеспечение транспортной связи с островом.¹⁹

В конце февраля для контроля над работами, осуществляемыми по повелению принца Ольденбургского, был назначен старший ревизор Бакинской контрольной палаты Гражданский инженер Ханьттов. Полковник А.В. Полторацкий находилась фактически в двойном подчинении, выполняя приказания и генерала Е.И. Бернова. Более того, решение ряда вопросов в дальнейшем (в том числе и по строительству дополнительных объектов) приходилось решать через начальника Кавказского военного округа генерала С.В. Вольского. Также при Наргене (на полуострове Зых) действовала Бакинская врачебно-наблюдательная станция во главе с врачом А.А. Родионовым, подчиненная гражданскому ведомству на Кавказе.

[106]

Таким образом, создавалась весьма сложная и запутанная система управления, причем и А.П. Ольденбургский (располагавшийся в Петрограде и всего несколько раз посетивший Нарген), и его представитель генерал Е.И. Бернов (находившийся в Тифлисе) ввиду географической удаленности не могли (хоть и пытались) контролировать происходящее на Наргене. Отдельные поездки, как показала практика, не могли восполнить этот пробел. Впрочем, и Е.В. Клюпфель, и С.В. Вольский имели немало других должностных обязанностей: турецкие военнопленные для них вовсе не находились на первом месте. Нужно учесть и взрывной характер самого Верховного начальника санитарной и эвакуационной части, склонного к резким решениям и излишнему вниманию к мелочам, а потому его подчиненным было легче по возможности замалчивать проблемы, нежели лишний раз подвергать себя гневу своего начальника. Вдобавок нельзя забывать и о факторе времени, которого не было (и объективно не могло существовать) для организации методичной работы.

В итоге те или иные решения, принимаемые в Петрограде и Тифлисе, нередко разбивались о «суровую» реальность Наргена и усугублялись успехами Кавказской армии, приносящими новых пленных. С самого начала оказались недостоверными оказались сведения о «не заселенности острова», поскольку сразу по прибытии Сабурова на место выяснилось, что незадолго до войны инженер Багдасарян получил право на аренду участка острова для поиска нефти. Пришлось переносить сроки начала буровых работ (на два года), на что требовалось согласие министра торговли С.И. Тимашева. К счастью, к 9 февраля удалось уладить отношения с Багдасаряном (ему на два года продлили сроки начала работ), а к 13 февраля разрешить вопрос с передачей острова. Не дожидаясь этого, 10 февраля А.П. Ольденбургский телеграфировал А.И. Сабурову о том, что необходимо приступить к необходимым работам, а 19 февраля сам посетил остров. Вскоре Бакинской казенной палатой был открыт кредит в 50 000 рублей²⁰.

Не обрадовались соседству с пленными турками и некоторые жители самого Баку. Среди них – представители семьи Нобель, которые

[107]

в середине февраля обратились в Морское ведомство, указывая на опасность эпидемии и уменьшение добычи нефти. Ольденбургский предпочел отмахнуться от них.²¹

Работы по обустройству лагеря для военнопленных начались во второй половине февраля. 27 февраля А.И. Сабуров оптимистично сообщил Е.И. Бернову, что для принятия 4 тыс. пленных постройки будут готовы через неделю. При этом предупредил: до полного окончания работ не желательно размещать пленных, чтобы не заразить рабочих.²² Просьба была проигнорирована: к концу марта на Наргене находилось 208 пленных (5 врачей, 5 офицеров и 198 нижних чинов), а к 19 апреля - 611.

Затянулись и сроки построек. К 11 марта были готовы 13 барачков-шалашей, 1 больничная барачка и 4 кухни на 2500 человек, конюшня, склад, лавка, водокачка и 4 цистерны для пресной воды на 4800 ведер. На сроках сказался и неучтенный изначально природный фактор (который неоднократно сказывался и в дальнейшем): штормы 1 и 9 марта повалили 6 строящихся барачков, одну палатку, а также разбили выгруженную баржу²³. Этот факт наглядно свидетельствует о низком качестве построек для пленных. Более того, выделенных 50 тыс. рублей не хватило, а потому приходилось требовать дополнительного финансирования. Строительство продолжилось, и 19 апреля Сабуров докладывал, что лагерь может принять дополнительно 3600 пленных.

Основная часть работ была закончена к началу мая. Всего на Наргене имелись два барачка для администрации и служащих, 4 больничных барачки, 18 барачков для пленных, 6 кухонь, хлебопекарня, 3 склада, лавка, баня, кочегарка, прачечная, машинное здание, водокачка, кузница, бетонная цистерна для морской воды, конюшня, 4 цистерны для пресной воды, прослойки и навесы для пожарных инструменты, временная пристань в 30 сажень, телефон, электростанция, а также водопровод и канализационные трубы.²⁴ Потрачено 103 949 рублей, причем для завершения работ Сабуров требовал еще 21 508²⁵. Правда, окончательно все работы, включая проводку телефонного кабеля и электрическое освещение, были завершены лишь спустя полто-

[108]

ра месяца – к 18 июня. Через 12 дней Сабуров направил итоговый рапорт, в котором среди прочего сообщалось, что из выделенных 140 000 рублей были израсходованы 130 411 рублей 35 копеек. Оставшиеся деньги передавались коменданту Наргена (из них 7 тыс. – на уплату за соединение Наргена и полуострова Зых подводным кабелем, а остальные – для текущей потребности).²⁶

Эти отчеты заставляют предположить, что в документах ситуация обрисовывалась намного лучше, нежели она была на самом деле. В поле зрения властей находились такие проблемы как размещение, водоснабжение и создание базовых санитарно-гигиенических условий т.е. обеспечение необходимого минимума инфраструктуры. Но простое перечисление объектов не дает возможности судить об их качестве. Однако неясно, что именно поднималось под водопроводом и канализацией. Вероятно, речь шла о работах, связанных с организацией работы водокачки (которая забирала воду из моря). Адмирал Е.В. Клюпфель подымал вопрос о создании настоящей канализации в марте 1916 года, на что А.П. Ольденбургский ответил буквально следующее: «вместо устройства канализации надо вырыть канавки один штык глубиною и после каждого испражнения засыпать экскременты землю, что должен делать сам каждый испражняющийся»²⁷.

Одновременно с возведением шалашей и барачков на Наргене происходило обустройство карантинного пункта на полуострове Зых, где находилась Бакинская врачебно-наблюдательная станция. В конце марта А.И. Сабуров отчитался о постройке двух барачков и двух шалашей, правда, пока без внутренних перегородок. Теперь Зых мог принять 80 больных и 250 здоровых пленных при условии, если будет командирован дополнительный медицинский персонал.²⁸ Однако он так и не прибыл (11 апреля Сабуров доносил о том, что на Зыхе по сообщению доктора Родионова нет ни одного врача)²⁹ в отличие от вражеских солдат. В итоге работа карантина началась до его обустройства при активном использовании турецких пленных врачей. Так, с 3 по 10 апреля на обсервации находилось 85 пленных, из которых 16 человек как выдержавшие карантин полный срок были отправлены на

[109]

Нарген. Остальные по состоянию на 12 апреля продолжали находиться под врачебным наблюдением, которое сводилось к измерению температуры дважды в день и необходимым перевязкам.

Работа по распределению пленных строилась следующим образом: врач Мелик-Пашаев обследовал пленных турок в госпиталях Баку и на эвакуационном пункте совместно с ординаторами этих учреждений, выясняя состояние их здоровья. «Неблагополучные» группы направлялись на Зых, где мылись в бане (их вещи дезинфицировались) и получали необходимую медицинскую помощь от зауряд-врача. После находились определенный срок в обсервации, после чего переводились на Нарген. Пленные, не имевшие заразных болезней, из Баку отправлялись туда напрямую. Медицинскую помощь на Нарген оказывали пять пленных врачей при пяти фельдшерах, двух сестрах милосердия и восьми санитарях³⁰.

Проблема усугублялась тем, что Бакинская станция подчинялась гражданскому ведомству и на нее возлагалась обязанность по контролю над санитарным состоянием всего Баку (в частности, осмотр персонала судов, прибывающих из Персии). Доктор А.А. Родионов не только не имел средства для удовлетворения нужд пленных, но и стремился избавиться от лишних обязанностей. В итоге возник классический межведомственный конфликт.

12 апреля А.И. Сабуров представил схему разделения полномочий: купание, дезинфекция, первая перевязка и обсервация возлагались на саму станцию, а непосредственно лечебные – на персонал специального госпиталя³¹. Это предложение могло стать выходом из конфликтной ситуации. К работе подключилось и Российское общество Красного Креста, которое к 19 апреля предоставило лазаретное имущество. Через три дня окружное военно-санитарное управление Кавказского военного округа сделало распоряжение о высылке из Тифлиса медицинского имущества. 13 мая прибыл 398-й запасной полевой госпиталь, который летом был заменен местным лазаретом. Правда, только в это время А.И. Сабуров и Е.И. Бернов выяснили, что Бакинская станция находится в подчинении не градоначальника Баку, а

[10]

Управления медицинской части гражданского ведомства на Кавказе, во главе которого стоят статский советник Фехнер, пребывающий в Тифлисе³², что лишний раз характеризует уровень межведомственного взаимодействия.

Поспешно принятые меры не могли в корне изменить положение: когда 17 мая на Зых с инспекцией приехал Е.И. Бернов, то он остался недоволен санитарным состоянием карантина и распорядился подчинить наблюдательный пункт коменданту острова Нарген,³³ тем самым еще больше запутав управление (поскольку станция не выводилась из подчинения гражданского ведомства).

К сожалению, разделения обязанностей на практике так и не произошло, поскольку значительная часть расходов по материальному снабжению лечебных учреждений легла на Бакинскую станцию. Еще сильнее конфликт усилился, когда в условиях колоссальных проблем с организацией транспортной связи А.В. Полторацкий вытребовал, чтобы находившийся в полном распоряжении Родионова баркас «Врач» выполнял рейсы в интересах о. Нарген. Подобная ситуация меньше всего нравилась доктору А.А. Родионову. 20 июля он возбудил в Управлении медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе вопрос о том, чтобы на Зыхе остался лишь карантин, а также вопрос по поводу использования собственного баркаса. Бюрократическими путями письмо шло в течение месяца, и только 2 сентября Е.И. Бернов ответил, что от этих расходов освободить станцию нельзя ввиду распоряжения А.П. Ольденбургского, и вообще переадресовал вопрос в штаб Кавказского военного округа.³⁴

Весной 1915 г. обозначилась еще более серьезная проблема с обеспечением транспортной связи между Баку и Нарген. По мере увеличения количества пленных и объема строительных работ ситуация стала лишь ухудшаться. Ответственный за транспорт адмирал Е.В. Ключфель не видел всей сложности, предоставив лишь три судна: старый паровой баркас «Баилов», парусное судно «София» (зафрахтовано после гибели у острова шхуны «Сальянец») и шхуну «Шахерестан». 24 апреля полковник А.И. Сабуров писал Е.И. Бернову: «Жизнь на острове и успеш-

[111]

ность постройки оказались в полной зависимости от состояния моря и успеха загрузки и выгрузки двух баржей. Происходила громадная непроизводительная трата времени... Главная вечерняя наша забота была – достать на завтра судно... Не раз бывали случаи, что внезапное извещение, иногда утром, о лишении нас парового судна заставляло просиживать на берегу целый день несколько десятков плотников, группу ценных монтеров или задерживалась отправка пленных»³⁵.

Какое-то время содействие оказывали корабли князя Бенкендорфа, однако вскоре он перестал предоставлять их, поскольку на одном из его участков были обнаружены новые месторождения нефти. После упомянутого донесения А.И. Сабурова адмирал Е.В. Ключфель прислал два моторно-парусных бота «Кара-Сенгир» и «Кара-Дашлы», однако и здесь не обошлось без проблем. Командиры ботов находились в подчинении военного порта, а потому отказывались видеть в коменданте Наргена начальника. Так, при сильных ветрах они не выходили в море, равным образом не брали те предметы, которые могли испачкать палубу (например, цистерны с нефтью). В донесении А.В. Полторацкий описывает случай «дерзкого ответа» командира одного из ботов командиру торгового порта во время стоянки у пристани: дескать он и так имеет много начальства и третьего начальника (капитана 1-го ранга Данилова) не желает признавать.

Другой симптоматичный случай произошел на Наргене, когда в отсутствие А.В. Полторацкого командир другого бота в ответ на приказание капитана охранной роты не отчаливать без разрешения, прислал подчиненного передать, что «когда справлюсь, тогда и уйду». На требование явиться для объяснений, последовал ответ, что если зауряд-капитану надо, то может и сам прийти³⁶. Адмирал Е.В. Ключфель отвергал претензии коменданта острова Нарген, обвиняя его в суетливости и некомпетентности: «Полковник Полторацкий почему-то... настраивает на том, чтобы суда ночевали не в Военном порте, а в городе на частных пристанях, с чем согласиться я никак не могу, так как следствием этого будет отсутствие надзора, пьянство, падение дисциплины, самовольные отлучки

[12]

и, как окончательный результат, аварии. Такой случай уже был. Данный в распоряжение полковника Полторацкого пароход «Баилов» был послан на Нарген без командира, который оставался в городе»³⁷. Судя по всему, оба начальника (и это в военное время!) не смогли заставить подчиненных соблюдать дисциплину.

Ситуация несколько улучшилась 23 мая, когда на смену «Баилова» был прислан баркас «Красноводск». Правда, и здесь не обошлось без сложностей. Сам баркас с 11 марта находился на ремонте, который к этому времени не был завершен. Причем при его покупке оказалось, что необходимо 25 тыс. рублей для ремонта. Они были выделены, а подрядчики потратили более 40 тысяч. Началось расследование, однако никаких нарушений не выявили³⁸. В июне по техническим причинам «Красноводск» перестал обслуживать Нарген. В целом недостаток транспорта ощущался весь 1915 г.

Как видно, на этапе создания лагеря обозначился ряд конфликтов, вызванных нечетким распределением полномочий. Несмотря на обилие начальников, в быстрые сроки так и не удалось решить две ключевые проблемы - транспорта и медицинского обеспечения.

Конечно, именно ведомство Ольденбургского было напрямую заинтересовано в нормальном функционировании лагеря, однако сам принц бумажными методами управления лишь вносил еще большую дезорганизацию и изыскивал новые проблемы для подчиненных. Например, в апреле полковник А.И. Сабуров, видимо с подачи начальства, экспериментировал с выращиванием бобов на Наргене, а также пытался посадить на крышах бараков овес.

В рапорте от 29 апреля он описывал три способа осуществления сельскохозяйственного эксперимента с подробным изложением причин неудач. Завершалось это симптоматичной фразой: «Представляя вышеизложенное, прошу указаний, как выйти из явившегося затруднения»³⁹. В середине мая Ольденбургский возмутился по поводу того, что были утверждены не согласованные с ним штаты на острове Нарген.⁴⁰ А из телеграммы от 20 мая 1915 года (от полковника А.В. Полторацкого генералу Е.И. Бернову) мы узнаем, что на Зыхе кролики проели

[13]

дырки в стенах барачков, а потому комендант Наргена попросил содействия со стороны бакинского градоначальника. Через пять дней А.В. Полторацкий с радостью докладывал, что нижние чины кроликов переловили. И не стоит удивляться, что 1 июня он «неожиданно» обнаружил, что на Зыхе (где размещалось 625 пленных) не хватает воды для питья и промывки отхожих мест, а потому нет возможности принять новую партию пленных.⁴¹

Указанные проблемы обострились в июне-июле, когда поток эвакуируемых турецких солдат резко увеличился. Всего к 23 июля здесь разместили 3761 пленного, из них - 118 офицеров. Большинство составляли военнопленные турецкой армии (турки и курды по этнической принадлежности). Среди представителей других национальностей из числа военнослужащих находились: армяне (один обер-офицер, два врача и 169 нижних чинов), албанцы (один обер-офицер), греки (два врача и 47 нижних чинов), арабы (один обер-офицер и 150 нижних чинов), аджарцы (один нижний чин) и черкесы (24 нижних чина). Помимо этого, на Наргене содержалось 16 представителей австро-венгерской армии: один обер-офицер (чех), один обер-офицер австриец, один нижний чин (австриец) пять врачей-евреев, один фармацевт-поляк и один фармацевт-еврей, а также шесть студентов медиков (три австрийских немца, один поляк, один еврей и один мадьяр). Вместе с военнопленными размещались интернированные гражданские лица: 745 турецких подданных (682 турка, 54 курда, восемь армян и один грек), 45 подданных Персии (31 татарин, 12 курдов и два армянина), 76 подданных России (49 турок и 27 курдов), а также один подданный Германии и один – Австро-Венгрии⁴².

Хотя и нижние чины, и офицеры содержались в одном лагере, внутри они жили в разных бараках. В июне в одной из палаток Гессена организовали офицерское собрание. К слову, администрация лагеря в лице полковника А.В. Полторацкого, увязавшая в межведомственных конфликтах и решении организационных вопросов, установила весьма свободный режим проживания, при этом обеспокоившись вербовкой информато-

[14]

ров из числа представителей этнических меньшинств. Ключевую роль играли армяне и добровольно перешедший на нашу сторону подпоручик 5-го турецкого пехотного полка албанец Омар Селимов⁴³. Актуализация межэтнических противоречий по логике начальства должна была способствовать нормальному функционированию лагеря. Для России в целом была характерна политика национализации («этнизации») плена, основанная на выделении различных этнических групп (начиная от простой статистики и заканчивая практикой)⁴⁴, и Нарген не стал исключением.

Существовали здесь и практики, характерные для других мест размещения пленных. В частности, офицеры и врачи (вне зависимости от этнической принадлежности) могли по увольнительным запискам уходить в город порою на несколько дней, в то время как нижние чины – в сопровождении конвойного. Правда, никакого учета не существовало, равным образом по возвращении никто их не осматривал. В самом городе многие сочувствовали пленным, в некоторых магазинах им продавали продукты со скидкой. Этническая и религиозная близость лишь способствовали развитию контактов.

Значимую роль играло местное мусульманское благотворительное общество, активную деятельность от имени которого развила Сона-Ханум Гаджиева (русская жена местного миллионера), привозившая на остров продовольствие и различные подарки. Причем в некоторых случаях она прибывала на собственном баркасе и оставалась до глубокой ночи, играя, как потом свидетельствовал Омар Селимов, «в любовь с красивыми молодыми офицерами». Как потом было установлено агентурным путем, среди сочувствующих были такие богачи, как Исмаил Бек Сафаралиев, Муртуза Мухтаров и Аджар Бек Ашурбеков⁴⁵. Видимо, принц А.П. Ольденбургский изначально не учел этот аспект.

В начале августа разразился крупный скандал, когда с Наргена сбежали 8 офицеров, а также два нижних чина. К слову, побеги турецких военнопленных в целом не были редкостью.

[115]

Так, в мае 1915 года из Сибири сбежал командир 9-го корпуса генерал Али Ихсан-паша.⁴⁶ На основе имеющихся следственных документов (рапорта полковника А.В. Полторацкого, дознания капитана корпуса гидрографов Антонова 2-го, а также следственных материалов, собранных в ноябре-декабре 1915 г. жандармским ротмистром Гусаковым) можно восстановить следующий ход событий.

Сначала по увольнительным запискам (но с целью сбежать) остров покинули три офицера (капитан Шукри Шабан Бей и прапорщики Фекри Шакар и Юсуф Ибрагим), затем через несколько дней, 29 июля, еще пять (капитаны Сухеил Иззет и Феррат Турсун, поручик Ягуб Мустафа-оглы, подпоручик Юсуф Зия; прапорщик Гусейн Хильми). Незадолго до этого, как показывал Омар Селим, на Нарген приехал некий армянин, в котором он узнал турецкого подполковника Якуб Джамиль Бея. Действительно ли это было так, на данный момент установить невозможно, но однозначно: побег был осуществлен двумя группами и вряд ли без внешней поддержки. Весьма показательны, что сам Полторацкий, оправдываясь, говорил, что все 8 офицеров покинули остров 29 июля, причем некоторые - по просроченным запискам.

Вина была возложена на 3-ю роту 552-й Симбирской дружины, которая тогда охраняла лагерь. Комендант острова обвинял ее в недостатке дисциплины, признавая, что он не мог настоять, чтобы 3-я рота исполняла точно его приказания по проверке съезжающих и прибывающих⁴⁷. В тот же день она неожиданно была сменена 1-й ротой 241-й дружины. Сам А.В. Полторацкий, обеспокоенный еще и тем, что его жена, находившаяся на Наргене вместе с ним, заболела брюшным тифом, 29 июля по делам покинул остров. Вернулся он лишь вечером 30 июля и узнал о том, что отпущенные в город офицеры планируют побег. Комендант связался с подполковником Месхиевым, начальником жандармского портового участка, а на следующий день вместе со своими осведомителями из числа пленных отправился в город на поиски сбежавших. Изначально он решил не ставить начальство в известность, надеясь,

[16]

что проблему удастся разрешить самостоятельно. С 31 июля переодетые городовые вместе с военнопленным албанцем ходили осматривать отходящие пароходы, которые для этого задерживались. К сожалению, розыски ни к чему не привели.

В действительности, бежавшие несколько дней находились на частных квартирах либо в дешевой гостинице «Исламие». А вечером 1 августа пятеро из них на пароходе русско-кавказского общества «Иван Колесников» отправились в персидскую Астару. Вполне возможно, что они имели поддельные персидские документы (по крайней мере, подобная возможность у них была). На следующий день пароход прибыл в Астару, где пленные были переданы агенту указанного общества Гаджи Ага Габидулаеву, который с помощью сообщников переправил их в Тавриз⁴⁸.

Что касается двух нижних чинов, то оба они в сопровождении конвоя были отпущены в город. Один из них, персидский подданный Бебут Джафар оглы, сумел скрыться в толпе на рынке и через несколько дней был пойман, однако вскоре вместе с тремя другими персиянами все равно оказался передан персидскому консульству. Второй нижний чин, русский подданный грузин, Фома Гигоев Мшвидобадзе уверял, что попал в плен по ошибке. В харчевне, где он с конвойным пил чай, к нему подошел хозяин заведения, назвал грузина своим родственником и отвел в другую комнату, откуда тот и сбежал.⁴⁹

Если бы А.В. Полторацкий вовремя донес о случившемся, то турецких офицеров можно было бы задержать вечером 2 августа при прохождении ими досмотра в порту Астары. Показательно, что после получения сведений о готовящемся побеге, комендант не переставал отпускать пленных офицеров по запискам. 7 августа в неофициальном порядке о побеге узнали в Бакинском губернском жандармском управлении, благодаря агентурной работе которого через два дня удалось установить путь бежавших офицеров и арестовать ключевых лиц, способствовавших побегу.

Отметим, что эта история имела и продолжение. Вести о побеге быстро разнеслись по городу и обросли различными слухами.

[17]

И здесь необходимо указать на общую характеристику публичного пространства того времени: шпиономания и поиск агентов врага. И если в большинстве губерний России искали немца-предателя (видя его чуть ли не в каждом носителе немецкой фамилии), то в Баку общественное мнение записывало во вражеских пособников туркофилов. Видимо, этим решили воспользоваться противники местного миллионера «мучного короля Баку» Ага Бала Гулиева, которые развязали против него экономическую войну. В ноябре на имя военного министра Поливанова пришло письмо за подписью дворянина (как было установлено в дальнейшем, вымышленного) А.Б. Аكوпова, в котором утверждалось, что, дескать, «несколько турецких военных инженеров под видом сдачи в плен, были специально командированы в концентрационный лагерь, чтобы оттуда бежать в Баку и сделать нужные неприятелю съемки».⁵⁰ В этом ключе интерпретировались события июльского побега, причем сам А.Б. Гулиев был назван организатором. Началось расследование, которое полностью опровергло обвинения, изложенные в подложном письме, хотя и указало, что Гулиев является одним из видных членов мусульманской группы «Гуммед» и занимается антирусской пропагандой.⁵¹

Побег привел к изменению жизни на острове Нарген. 13 августа временно комендантом Наргена стал поручик Великосельский, а 24-го августа был назначен новый комендант, подполковник Халилов.⁵² К этому времени здесь числилось 3955 пленных из них – 219 офицеров и врачей⁵³. В ведомостях на конец сентября офицеры (за исключением тех, что находились на карантине или в госпиталях) отсутствуют – по итогам расследования они были выдворены во внутренние губернии. В сентябре количество пленных менялось незначительно, однако к 18 октября их осталось 2869, к 1 ноября – 2631, к 23 ноября – 2563⁵⁴. Видимо, в это время произошел отказ от устройства Наргена исключительно как лагеря, места постоянного водворения, и военнопленных стали направлять на работы.

Осенью ухудшилось и санитарное положение. Отдельные случаи сыпного тифа вместе с новыми партиями пленных, прибывавших на карантин, регистрировались еще весной. Сведений

[118]

на лето нет, однако тот факт, что им заболела жена коменданта, говорит об отсутствии в нашем распоряжении соответствующих документов. По имеющимся данным, остро кишечные заболевания азиатского типа на Наргене начались 19 августа. До 5 октября умерло 60, выздоровело - 48, в больницах лежало еще 20. Были приняты различные меры для борьбы с эпидемией (подача кипяченой воды и белого хлеба, запрет на купание, дезинфекция помещений формалином, мазутом, известью). В октябре эпидемия пошла на спад, однако появилась холера⁵⁵. В середине месяца проблемы с сердцем начались у коменданта Халилова, который из-за этого был вынужден ночевать в Баку. А.П. Ольденбургскому подобный порядок не понравился, и он был отстранен от должности, а на его место вскоре был назначен капитан Зилов.

14 декабря на остров прибыл А.П. Ольденбургский, который нашел его состояние «ниже посредственного». Он временно запретил отправку во внутренние районы военнопленных, пока не будет улучшена ситуация с дезинфекцией⁵⁶. Однако отданные им распоряжения были напрасны. С наступлением холодов жизнь потенциальной рабочей силы попала под угрозу, а потому начальник Кавказского военного округа 15 декабря распорядился начать поспешную отправку военнопленных в пределы Московского военного округа.⁵⁷ Это решение взбесило принца Ольденбургского. Генерал С.В. Вольский оправдывался соответствующим распоряжением военного министерства, а также разрешением Августейшего наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича. 23 декабря он телеграфировал Ольденбургскому, заверяя, что не знал о повелении последнего прекратить высылку: «Примлю смелость доложить Вашему императорскому Величеству об этом недоразумении и всепреданнейше ходатайствовать, оказав мне, старому солдату, прослужившему царям и родине 45 лет, высокую милость прощения за мое распоряжение, вызванное исключительно недоразумением»⁵⁸.

К началу 1916 года лагерь был фактически расформирован, поэтому он не вошел в общий список мест постоянного водворения военнопленных, найдя свое место лишь в небольшом примеча-

[119]

нии: «В это число не вошли: 1) два офицера и 160 солдат турецкой армии, водворенных в карантинных целях на остров Нарген»⁵⁹.

Неудивительно, что А.П. Ольденбургский с двойным рвением взялся за реорганизацию Наргена. Туда был командирован генерал Шавров, который 14 января 1916 года телеграфировал, что все готово для приема 2 тыс. пленных, отметив, что остальные работы задерживаются из-за отсутствия кредитов. Последнее сообщение вызвало гнев Верховного начальника, на что генерал С.В. Вольский поспешил сообщить: 7 января для обустройства барачных корпусов был открыт кредит в 30 тыс. рублей. Ответ не удовлетворил Ольденбургского, от которого последовала телеграмма с вопросом, зачем нужна столь крупная сумма. В итоге Е.И. Бернов представил подробный отчет за два месяца, а С.В. Вольский заявил, что кредит был открыт ошибочно, а потому в настоящее время закрыт⁶⁰.

Работы проводились в экстренном порядке с использованием труда военнопленных. 18 января Е.И. Бернов докладывал в Петроград, что все бараки были утеплены, поставлены печи и проведено освещение, созданы приспособления для хлорирования воды. Карантин на Зыхе также приведен в порядок. В декабре Тифлисский ботанический сад начал высадку 14 тыс. сухолюбивых растений, видимо для борьбы с ветрами (работы были закончены к середине марта)⁶¹. 11 февраля остров осмотрел адмирал Клюпфель, доложив, что лагерь может принять еще 3 тыс. человек.

Прибытие военнопленных, взятых после крупной победы под Эрзерумом, стало, к сожалению, неудачной проверкой столь оптимистичных заявлений. Уже 14 марта Е.И. Бернов осторожно сообщал, что Нарген приведен в порядок (тогда чтобы было до этого?), однако медицинское обеспечение осталось не на должной высоте, причем вина возлагалась на неправильную эвакуацию пленных с театра военных действий. Видимо, ситуация оказалась более чем тяжелой: Е.И. Бернов запретил отсылку военнопленных на работы с острова, а поскольку тот был переполнен (4500 человек), то и размещение новых турок на него. Для дезинфекции была создана специальная комиссия, но принятые меры не возымели должного действия.

[120]

21 марта Е.И. Бернов обследовал Нарген, оставшись недовольным санитарным состоянием. Появились случаи сыпного тифа. 23 марта пришла телеграмма А.П. Ольденбургского: «С крайним сожалением убеждаюсь в печальном положении санитарного состояния Наргена, которое приняло вследствие служебной бездеятельности и хронический характер»⁶². Она оказала «чудотворное» воздействие: 25 марта последовал рапорт о прекращении массовых заболеваний.⁶³

Наплыв пленных оказался столь большим, что пришлось строить новые бараки на 2 тыс. мест. 27 марта лично командующий округом С.В. Вольский просил у Верховного начальника санитарной и эвакуационной части разрешить новый тип барачков. Через месяц А.П. Ольденбургский с удивлением выяснил, что работы сданы с подряда вопреки его распоряжениям. С.В. Вольский дал широкую отповедь, ссылаясь на положение о полевом управлении войск.⁶⁴ Когда в конце мая Ольденбургский опять возбудил этот вопрос, то командующий округом даже не стал отвечать, доверив это начальнику штаба генералу Н.И. фон Рубенау, который сообщил: «Строительные распоряжения производятся с разрешения главного начальника округа распоряжением окружного управления по квартирному довольствию войск и в сферу деятельности вверенного мне штаба не входят».⁶⁵ Принцу А.П. Ольденбургскому пришлось смириться с положением дел.

Зато был достигнут прогресс в вопросе снабжения водой: в апреле решили установить опреснитель. Установка была окончена к 6 мая, к концу месяца он давал около 100 ведер в час, что оказалось явно недостаточным, исходя из потребности половины ведра на человека в день. К началу июля был установлен новый опреснитель, дающий около 2500 ведер в сутки. Е.И. Бернов докладывал, что вода непривычного вкуса и «наверное, необходима прибавка каких-либо веществ». Был поставлен второй котел, и к середине сентября он давал около 5 тыс. ведер в сутки.⁶⁶ Соответственно, можно предположить, что до этого времени напряженность с пресной водой сохранялась. Впрочем, и после запуска второго котла приходилось привозить воду на баркасах.

[121]

Ситуация с медицинским обеспечением на этот раз обстояла несколько лучше. Пленные находились не только на карантине на Зыхе, но и в 385-м запасном полевом госпитале, 19-м лазарете Союза городов, а также в Бакинском военном госпитале (всего на 12 апреля на Наргене и этих учреждениях размещалось 5551 человек). Однако ситуация с заразными болезнями обострилась. Если в марте-апреле отмечались вспышки тифа, то к маю они прекратились, но началась холера. Первый случай зарегистрирован 28 апреля. Согласно санитарному отчету профессора Ушинского, до 11 мая умерло 26 человек, затем с 11 по 18 мая – еще 10. Впрочем, остро желудочные заболевания со смертельным исходом были и раньше, но их квалифицировали в качестве дизентерии⁶⁷. Под подозрение попала привозимая нехлорированная вода для полива растений, но исследования не выявили возбудителей. В середине мая заподозрили нанятых рабочих, некоторых поместили под карантин, однако и эта версия не нашла подтверждений. В конечном итоге, причину так и не установили, а к концу мая холера отступила. Положительный эффект дали прививки (особенно сделанные троекратно)⁶⁸.

В мае была создана специальная комиссия под председательством адмирала Е.В. Ключфеля, которая к середине июня подготовила список профилактических мер против холеры: уничтожить в бараках темные углы, сделать нары съемными (и продезинфицировать почву под ними), оборудовать в бараках бетонные полы, осветить бараки, заменив холсты стеклами и вставив сетки против насекомых, увеличить число кипяtilьников и устроить водосточные каналы для промывки отхожих мест. После того как А.П. Ольденбургский узнал, что общая стоимость работ составит 33 тыс. рублей, он вынес свое компетентное мнение: зашивка углов не нужна, установка стекол – излишня, а заведение кипяtilьников при стерилизации воды вообще бессмысленно. Другие меры были одобрены.⁶⁹ При этом продолжалось возведение новых бараков, осложняемое сильными ветрами, которые сносили крыши и однажды разрушили кирпичную трубу хлебопекарни⁷⁰.

[122]

В это время лагерь действовал в большей степени как наблюдательный пункт. За весь год сюда прибыло 18 028 пленников, значительная часть которых потом была отправлена на работы⁷¹. А 9 августа на Нарген перевели 400 турецких военнопленных-инвалидов для дальнейшего обмена на основании соглашений с правительством Турции⁷².

Очередная вспышка заболеваний тифом и холерой пришла на конец августа, когда сюда прибыли новые партии пленников. Все они помещались на карантин на Зыхе, а также в специально созданных карантинных бараках на Наргене (в общей сложности 14 тифозных и 24 холерных). Если учесть прибытие новых партий пленников, к 16 сентября от обоих заболеваний умерло 14 человек⁷³.

К концу года обстановка стабилизировалась. 7 ноября остров посетил Е.И. Бернов, который нашел состояние санитарной части благополучным. К этому времени помимо новых бараков (они могли вместить до 10 тыс. человек, а с учетом больничных бараков - до 11 500) были возведены большая церковь, баня, прачечная, помещения для электрической станции и водопомпы, хлебопекарня, холодильник опреснителя, завершилась проводка электрического освещения по всему острову. Работали портняжная и сапожная мастерские⁷⁴. Таким образом, почти за два года усилиями различных ведомств удалось создать минимальную инфраструктуру, способную обеспечить сохранность здоровья пленников.

Февральская революция привнесла серьезные изменения в жизнь лагеря. Кавказская армия прекратила активные боевые действия, а потому прекратился поток новых военнопленных. В Кавказском военном округе (как и по всей России) некоторые пленные под влиянием революционных событий начали отказываться работать и их выдворяли на Нарген. Видимо, поэтому к 10 июня здесь оказалось до 1 тыс. австрийцев и германцев.⁷⁵

Ухудшилось и положение офицеров: из-за карточной системы на продукты в Баку они лишились возможности покупать их свободно на рынках. 15 мая капитан Зилов возбудил ходатайство перед начальником штаба Кавказского военного округа о том, чтобы за плату отпускать пленным офицерам хлеб по норме

[123]

для солдат⁷⁶. Безусловно, на фоне нарастающего государственного кризиса положение военнопленных на Наргене не могло не ухудшиться.

После Октябрьской революции советское правительство пошло по пути завершения войны. В конце 1917 года на повестку дня стал вопрос об обмене пленным. 1 января 1918 года врид. главнокомандующего генерал Е.В. Лебединский писал в Закавказский комиссариат, что большинство пленным взяты из состава 3-й турецкой армии, которая формировалась в приграничных районах, а потому освобождение этих солдат и офицеров объективно может привести к еще большей дестабилизации ситуации в регионе.⁷⁷ В то же самое время на Нарген стали перебрасывать военнопленные из других районов. В частности, 10 марта было решено направить из Башкадыкляра партию турок под охраной конвоя от Армянского корпуса до Тифлиса, а оттуда под охраной мусульманского корпуса - на Нарген.⁷⁸ По сведениям штаба Кавказского военного округа на 25 марта 1918 года на Наргене и Зыхе находилось 78 офицеров и 7 тыс. солдат, а то время как в других районах округа – 23034 пленным.⁷⁹

Дальнейшая судьба острова в полной мере неизвестна, однако некоторые из пленным приняли активное участие в начавшейся Гражданской войне⁸⁰. Можно предположить, что история турецкого плена на Наргене завершилась в октябре 1918 года, когда турецкие войска вошли в Баку.

Каким образом можно охарактеризовать опыт плена на Наргене? Положение самих военнопленных различалось в зависимости от времени, а потому вряд ли может быть оценено в таких примитивных категориях, как «хорошее/ плохое» или «удовлетворительное/неудовлетворительное». Приведенные в начале статьи оценки других исследователей стоит признать некорректными, причем имеющиеся данные отвергают представление о высокой смертности (по крайней мере, до Февральской революции), а также позволяют скорректировать общую численность пленным. В 1915-1916 годах через Нарген прошло около 20 тыс. пленным (с учетом 1917-1918 гг.

[124]

эту цифру можно увеличить до 25 тыс.), что делает его одной из ключевых институций плена в России.

Важно подчеркнуть: речь идет не только о военнопленных турецкой армии (а также австро-венгерской), но и об интернированных гражданах российского, персидского и турецкого подданства. Хотя все эти категории и разделялись на бумаге, на практике для российских властей они сливались в единое целое. А потому, говоря о том, что Нарген являлся именно лагерем для «турецких военнопленных», мы должны отметить, что слово «турецкий» отсылает и к государственной (подданство или служба во вражеской армии), и к этнической принадлежности, причем последняя понималась в грубых примордиалистских категориях. На практике стремление видеть во вражеских солдатах именно представителей этнических групп (а не подданных государства) доминировало.

В определенной степени можно согласиться с выводом А. Рахамимова, сделанным на основе изучения положения австро-венгерских военнопленных: российское правительство стремилось соблюдать ключевые международные соглашения, касающиеся военнопленных, однако ввиду ограниченных ресурсов и бюрократических проволочек не смогло этого сделать.⁸¹ История плена на острове Нарген ярко показывает, как приказы Ольденбургского на месте ввиду различных причин не выполнялись, а сам он при всем желании не мог (и не умел) держать ситуацию под контролем. Из-за отсутствия времени властям приходилось решать проблемы по мере их усугубления, реагируя на кризисные ситуации. Пленные оказались заложниками запутанной системы управления и различных межведомственных и межличностных конфликтов (судя по всему, связанных и с коррупционным фактором), с неизбежными управленческими провалами, неумело прикрываемыми донесениями о том, что все находится под контролем.

Изначально власти стремились обеспечить минимальные условия для содержания пленных и поддержания санитарного благополучия. Однако после того как в декабре 1915 года лагерь был фактически расформирован, вмешался личный фактор Ольденбургского, что стало отправной точкой для создания развитой инфраструктуры.

[125]

Со второй половины 1915 года лагерь стал все больше включаться в экономику России, когда пленные начали все активнее направляться на различные работы. Более того, выделенные средства на создание инфраструктуры можно рассматривать как специфические инвестиции. Сдача подрядов частным компаниям (что не исключало использование дарового труда пленных и реквизированных материалов) имела положительный эффект для экономики Баку. В этом плане понятна позиция штаба округа, который фактически игнорировал требование Ольденбургского широко использовать труд пленных и продолжал нанимать подрядчиков. Неудивительно, что адмирал Е.В. Ключфель не смог решить проблему организации транспортной связи за счет военного порта (начальником которого он был), однако стремился продвинуть проект строительства канализации. То же самое можно сказать и про электрификацию: излишняя роскошь на фоне перебоев с питьевой водой.

И в заключение. Хотя история турецких пленных оканчивается самое позднее к октябрю 1918 года, сам лагерь не прекращает существования. Созданная инфраструктура продолжает использоваться новыми властями по своему прямому назначению - в годы Гражданской войны здесь располагался концентрационный лагерь, в 1930-х годах здесь расстреливали жертв политических репрессий.

---

¹ См.: *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914-1922 гг.). М., 2014. С. 329; *Yanikdag Y.* Ottoman Prisoners of War in Russia, 1914-22 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 34. №1 (Jan., 1999). P.69.

² Наиболее полную библиографию см.: *Суржикова Н.В.* Указ. соч. С.374-408.

³ См.: *Nargin Adasi Turk Esir Kampi* // Интернет-портал «Youtube». <http://www.youtube.com/watch?v=0JTI8EXTxh0>

⁴⁴ См. напр.: *Сенявская Е.С.* Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // *Вестник РУДН. Серия «История»*. 2013. №1. С.64-83; *Навоев П.* Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. Беседа с нижними чинами. Пг., 1916; *Бостунич Г.* Из вражеского плена. Очерк спасшегося. Пг.: Тип. В.П. Бондаренко и П.Ф. Гнездовского, 1915; *Шамурин Ю.И.* Два года в германском плену. Пг.: Образование, 1917.

[126]

⁵ *Познахирев В.В.* Особенности положения турецких военнопленных в России в годы Первой мировой войны // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2011. №2. С.175-184; *он же.* Особенности продовольственного обеспечения турецких военнопленных в России (конец XVII - начало XX веков) // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2012. №2. С.257-266.

⁶ *Рустами И.* Тайна острова Нарген // *Наш Баку. История Баку и бакинцев*. <http://www.ourbaku.com>

⁷ *Yanikdag Y.* Op. cit. P.72.

- ⁸ Проект строительства туристического комплекса на азербайджанском острове Наргин датской компании не заказывали // Тренд. 2009. 17 февр. <http://www.trend.az/life/tourism/1426226.html>
- ⁹ См.: Асадова И. Жемчужина Азербайджана // Эхо. 2014. 29 апр. <http://www.echo.az/article.php?aid=6170>
- ¹⁰ Побег из неволи или ЧП военного времени // Наш Баку. 2010. 15 июля. <http://www.ourbaku.com/>
- ¹¹ См. Остров Нарген: рай или музей? // Медиафорум. 2009. 9 февр. <http://www.mediaforum.az/rus/2009/02/09/>
- ¹² См.: *Суржикова Н.В.* Познавая лагерь: институциональная среда российского плена 1914-1917 гг. и проблема ее артикуляции // Международная интернет-конференция «Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований». ИНИОН. http://www.inion.ru/index.php?page_id=522
- ¹³ *Озтюрк М.* Сарыкамышское сражение: турецкий взгляд // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов, А.А. Малыгина. СПб.: СПбГУ, 2014. С.262.
- ¹⁴ *Познахирев В.В.* Особенности положения турецких военнопленных в России в годы Первой мировой войны // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. №2. С. 176
- ¹⁵ РГВИА. Ф.2018. Оп.1. Д.74 Л.6
- ¹⁶ Там же. Л.32.
- ¹⁷ Там же. Л.67.
- ¹⁸ Там же. Д.75. Л.24.
- ¹⁹ Там же. Д.74. Лл.101-102.
- ²⁰ Там же. Д.74.27, 54 Л.90.
- ²¹ Там же. Д.74. Лл.74, 75.
- ²² Там же. Д.886. Л.4.
- ²³ Там же. Д.74. Л.125.
- ²⁴ Там же. Лл.141-143, 201.
- ²⁵ Там же. Л.144.
- ²⁶ Там же. Л. 170.
- ²⁷ Там же. Д.76. Л. 33.
- ²⁸ Там же. Д.886. Л.14. Барак для конвоя появился лишь к началу мая, затем началось строительство отдельной кухни для него, чтобы уменьшить контакты между охраной и пленными.
- ²⁹ Там же. Л 17.
- ³⁰ Там же. Л.54-55.
- ³¹ Там же. Лл. 57-58.
- ³² Там же. Л.20.
- ³³ Там же. Л.85.
- ³⁴ Там же. Л.110.
- ³⁵ РГВИА. Ф.2018. Оп.1. Д.76. Лл.1-3.
- ³⁶ Там же. Д.886. Л.81-82.
- ³⁷ Там же. Л.114.
- ³⁸ Там же. Д.74. Л.209.
- ³⁹ Там же. Д.886. Л.72-73.
- ⁴⁰ Там же. Д.74. Л.149.
- ⁴¹ Там же. Д.886. Л.77, 81, 94.
- ⁴² Там же Лл.111-122.
- ⁴³ Там же. Ф.2100. Оп.2. Д.684. Л.21-22.
- ⁴⁴ Подробнее об этом см.: *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции.... С.204-247.
- ⁴⁵ РГВИА. Ф.2100. Оп.2. Д.684. Л.24,44, 46.
- ⁴⁶ *Познахирев В.В.* Особенности положения турецких военнопленных.... С.180.
- ⁴⁷ РГВИА. Ф.2100. Оп.2. Д.684. Л.18.
- ⁴⁸ Там же. Лл.7, 8, 21-22.
- ⁴⁹ Там же. Л.29.
- ⁵⁰ Там же. Л.2.
- ⁵¹ Там же. Л.8.
- ⁵² РГВИА. Ф.2018. Оп.1. Д.886. Лл.114, 115.

---

⁵³ Там же. Лл.122-123.

[Л. 128]

⁵⁴ Там же. Лл.143, 145, 151.

⁵⁵ РГВИА. Ф.2018. Оп.1. Д.74. Л.237, 245.

⁵⁶ Там же. Л.249, 250, 251.

⁵⁷ Там же. Л.261.

⁵⁸ Там же. Л.271-272.

⁵⁹ *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции... С.418.

⁶⁰ РГВИА. Ф.2018. Оп.1 Д.76. Л.18.

⁶¹ Там же. Лл.11, 38.

⁶² Там же. Лл.34-36, 46.

⁶³ Там же. Лл.51-52.

⁶⁴ Там же. Лл.71, 73, 75.

⁶⁵ Там же. Л.108.

⁶⁶ Там же. Л.104, 121-124, 148-149.

⁶⁷ Там же. Д.760. Лл. 1-6.

⁶⁸ Там же. Д.76. Л.107.

⁶⁹ Там же. Лл.115-120.

⁷⁰ Там же. Лл.132, 136.

⁷¹ Там же. Ф.1300. Оп.4. Д.1137. Л.228.

⁷² Там же. Ф.2018. Оп.1. Д.76. Л.137.

⁷³ Там же. Лл.142-146.

⁷⁴ Там же. Лл.157-158.

⁷⁵ Там же. Ф.1300. Оп.4. Д.1137. Л.228.

⁷⁶ Там же. Л.53.

⁷⁷ Там же. Ф.2100. Оп.1. Д.681. Л.4.

⁷⁸ Там же. Л.7.

⁷⁹ Там же. Л.12. В частности, Батуми – 200 солдат, на Черноморском побережье – 100 солдат, в Гори – 114 солдат, в Тифлисе – 1200 солдат, в Терской области – 1400 солдат, в Кутаисской губернии – 40 солдат, в Кубанской области – 3900 солдат, в Дагестанской области – 80 солдат, а в Ставропольской губернии – 16 тыс. солдат.

⁸⁰ См. напр.: *Дадаян Х.* Армяне и Баку (1850-е – 1920). Ереван, 2007. С.96.

⁸¹ См. *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции... С.61.

Об авторе:

Пахалюк Константин Александрович – ведущий специалист научного сектора Российского военно-исторического общества.